

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ГИПОТЕТИКО-ДЕДУКТИВНОЙ МОДЕЛИ В ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКЕ

Аннотация

Статья посвящена анализу методологического кризиса в современной политической науке, вызванного доминированием гипотетико-дедуктивной модели. Показано, что ориентация на формальную строгость и эмпирическую проверяемость приводит к абстрагированию теоретических конструкций от политической реальности. Также рассматриваются ограничения формальных моделей, связанные с двойной абстракцией теории и данных. Обосновывается необходимость перехода к модельному плюрализму, при котором ценность теории определяется не истинностью, а аналитической полезностью.

Ключевые слова: гипотетико-дедуктивная модель, модельный плюрализм, конструирование реальности.

Автор

Зуйков Савва Игоревич

Младший научный сотрудник Центра политологии
Института социологии НАН Беларуси
(Минск, Беларусь)

Современная политическая наука переживает период глубоких методологических изменений, затрагивающих как ее эпистемологические основания, так и способы конструирования теоретического знания. Одним из ключевых факторов этих трансформаций стало широкое распространение гипотетико-дедуктивной модели (далее – ГДМ), заимствованной из естественных наук и постепенно превратившейся в универсальный критерий научности политологических исследований. К.А. Кларк и Д.М. Примо отмечают, что во второй половине XX века политическая наука постепенно институционализировала ГДМ как основной стандарт научного исследования. В их интерпретации именно ориентация на построение тестируемых гипотез и последующее статистическое подтверждение стали ассоциироваться с научностью политологического анализа, хотя исторически политическая теория опиралась на иные исследова-

тельские традиции [6, с. 9–15]. Усиление междисциплинарных связей, а также стремление к математизации и формальной строгости привели к тому, что политическая наука начала воспроизводить методологию естественных наук, нередко игнорируя специфику политического как социально-исторического феномена.

Фактически ГДМ предполагает трехступенчатую схему: на основе теории формулируются гипотезы, затем из этих гипотез выводится проверяемое следствие, которое далее сопоставляется с эмпирическими данными. Данная схема создает впечатление строгости и универсальности, однако при применении к политическим явлениям сталкивается с рядом фундаментальных ограничений. Политическая реальность характеризуется сложностью, исторической изменчивостью и высокой контекстуальностью. Эти свойства не позволяют сводить политические процессы к набору строгих и однозначно

операционализируемых переменных. Вдобавок к этому нужно понимать, что любая модель неизбежно абстрагируется от значительной части элементов изучаемого феномена [10, с. 868–870, 878–880]. Как итог, возникает ситуация, при которой чем строже и формальнее модель, тем сильнее она отчуждается от реальности.

Однако трудности связаны не только с абстрактностью теоретической модели. Сами эмпирические данные в политической науке также представляют собой модель реальности, поскольку их получение требует кодирования, отбора, классификации и операционализации, то есть применения набора теоретических предпосылок относительно того, что считать политическим феноменом и как его измерять. На это косвенно указывал еще У.В.О. Квайн, отмечавший, что язык наблюдений не существует в изоляции: различия в языке связаны с тем, как говорящий расчленяет мир на категории и свойства [3, с. 63]. Этот тезис послужил основой для более позднего утверждения о теоретической нагруженности наблюдения, развитого, в частности, в работах И. Шапино [5, с. 69–70]. Следовательно, ГДМ сопоставляет не теорию и реальность, а модель теории и модель данных, создавая эффект двойной абстракции. Поэтому в исследованиях формальные модели никогда не тестируются непосредственно реальностью, а проверяются посредством других моделей [6, с. 133–134, с. 146–147].

В свою очередь, И. Шапино называет подобный методологический подход «бегством от реальности» [5, с. 5–7]. По его мнению, исследователи начинают работать не с политическими процессами как таковыми, а с их аналитическими репрезентациями, принимая эти конструкции за саму реальность [5, с. 211–213]. В результате политическая теория взаимодействует прежде всего со своими собственными абстракциями — логически упорядоченными

моделями, удобными для дедукции и статистической проверки, но слабо отражающими сложность реальной политической жизни. В дополнение к сказанному важно отметить, что с логической точки зрения ГДМ содержит еще одну существенную проблематику. Она заключается в том, что даже ложная теория способна порождать верифицируемые гипотезы и подтвержденные выводы. Кларк и Примо характеризуют эту ситуацию как “false models can generate accurate predictions” [6, с. 72]. Таким образом, ГДМ допускает возможность получения истинных выводов из ложной теории, что ставит под сомнение идею научности у К. Поппера и его критерий фальсифицируемости. Кроме того, она приводит к наложению процедур упрощения реальности друг на друга. В результате строгая математизация не приближает исследователя к реальности, а, напротив, отдаляет его от нее.

Несмотря на ограничения ГДМ, она оказалась встроена не только в эмпирические исследования, но и в саму структуру политических теорий. Начиная с середины XX века многие влиятельные концепции были сформулированы в логике дедукции, аксиоматизации и строгой формализации, что превратило их не в описания политической реальности, а во внутренне согласованные модели, подчиненные принципам ГДМ. В итоге теория политики стала выступать не столько инструментом интерпретации политической жизни, сколько системой логических следствий, основанных на наборе допущений.

Классическим примером ГДМ в политической теории является работа Э. Даунса *An Economic Theory of Democracy* [8]. В ней разрабатывается аксиоматическая модель поведения избирателей и партий, основанная на предположениях о рациональности и максимизации полезности. Эта модель стала фундаментом для после-

дующих пространственных моделей голосования, включая теорему о медианном избирателе, и рассматривается как один из ранних образцов формализованного теоретического анализа в политической науке. В более широком методологическом контексте такие аксиоматические и формализованные модели соответствуют тому типу теоретических построений, которые К.А. Кларк и Д.М. Примо описывают как «карты» (*map-like models*) — упрощенные репрезентации, предназначенные для логической организации множества предположений, а не для прямого эмпирического описания реальности [6, с. 83–93]. При этом сами модели рационального выбора подвергались неоднократно критике за высокий уровень абстракции и слабую связь с реальной политической динамикой. А. Рубинштейн отмечал, что многие формальные модели представляют собой математически элегантные, но далекие от реальных процессов конструкции [10, с. 868–870]. В аналогичном ключе И. Шапиро указывал, что значительная часть исследований в традиции рационального и общественного выбора стремится к аналитической чистоте, нередко в ущерб описанию реальных политических институтов [5, с. 211–213].

В итоге политическая наука сталкивается с кризисом теории. В контексте такого кризиса О.В. Гаман-Голутвина отмечает, что политология по инерции использует «механистическую картину мира», тогда как современная политика нелинейна, многослойна и контекстуальна [2, с. 6–8]. Данная тенденция отягощается еще и тем, что формальные модели в этой ситуации создаются не с целью отражения реальности, а для соответствия требованиям методологической схемы [6, с. 121].

Выход из этого кризиса, на наш взгляд, не требует полного отказа от ГДМ, поскольку предполагает смену критерия оценки теоретических по-

строений: вместо истинности следует использовать критерий полезности модели. Такой подход позволяет рассматривать политическую теорию не как отражение реальности, а как инструмент, предназначенный для ее анализа в рамках конкретной исследовательской задачи. В этой логике модель не обязана полностью соответствовать реальному миру, поскольку ее ценность определяется способностью интерпретировать политические явления, формулировать объяснения и обеспечивать аналитические выводы. Следовательно, исследователь получает возможность применять множество моделей одного и того же явления. Эти модели могут опираться на различные предпосылки и приводить к несовпадающим выводам, но при этом не претендовать на взаимное опровержение, поскольку их значимость определяется не истиной, а эвристической и аналитической полезностью. Схожую позицию разделяет и Д. Родрик, описывающий аналогичную ситуацию в экономике как «библиотеку моделей», каждая из которых ценится в зависимости от своей объяснительной пригодности [4, с. 18–19, 37–38].

Тем не менее, несмотря на аналитические преимущества подобного подхода, модельный плюрализм формирует новую проблематику, связанную с систематическим конструированием политической реальности. Когда одно и то же явление описывается множеством моделей, основанных на разных допущениях и аналитических категориях, политическая теория фактически формирует специфический порядок реальности. Этот порядок создает такие формы существования политических явлений, которые допускаются соответствующей моделью. Иными словами, модель не только описывает политическую реальность, но и конструирует ее, задавая аналитические рамки, в пределах которых политические явления могут быть поняты и интерпрети-

рованы. Подобный вывод коррелирует с позицией П.Л. Бергера и Т. Лукмана, считающих знание социально организованным и поддерживаемым порядком смыслов, воспринимаемым как самоочевидная реальность [1, с. 132–135, с. 152–155]. В этом отношении политическая теория, использующая множество конкурирующих моделей, также участвует в создании политической реальности.

Хотя признание конструирующей роли моделей может выглядеть как шаг к релятивизму, подобная интерпретация неверна. Модельный плюрализм не устраняет вопрос об истине, а переосмысливает его в прагматической концепции: истинной считается та теория, которая «работает», объясняет явления, позволяет формировать прогнозы и служит основой для обоснованных решений. При этом модели сохраняют связь с эмпирическими данными, хотя эта связь понимается как контекстуальная и опосредованная. Как следствие,

модель остается научно обоснованной до тех пор, пока сохраняет аналитическую полезность.

Таким образом, преодоление этого кризиса возможно через переход к модельному плюрализму, предполагающему использование различных типов моделей в зависимости от характера исследовательской задачи, а также отказ от понимания модели в категориях истины. Такой подход позволяет уйти от догматической привязки теории к модели как к одному из главных критериев ее истинности и рассматривать модели как аналитические инструменты, которые не претендуют на полное отражение реальности. Поэтому только в условиях осознанного модельного плюрализма политическая теория сможет не просто конструировать аналитические схемы, но и сохранять способность осмысливать политическую реальность, не скатываясь к релятивизму научного знания в политической теории.

Литература

1. Бергер П.Л., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: трактат по социологии знания [Текст] / пер. с англ. — М.: Медиум, 1995. — 337 с.
2. Гаман-Голутвина О.В. Современная сравнительная политология перед вызовами развития [Текст] // Перспективы: электронный журнал / Фонд исторической перспективы. — М., 2020 — С. 6–29.
3. Квайн У.В.О. С точки зрения логики: девять логико-философских очерков [Текст] / Пер. с англ. — М., 2003. — 192 с.
4. Родрик Д. Экономика решает: сила и слабость «мрачной науки» [Текст] / Пер. с англ. Е. Головляницыной. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2016. — 256 с.
5. Шапиро И. Бегство от реальности в гуманитарных науках [Текст] / Пер. с англ. Д. Узлавера. — М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2011. — 368 с.
6. Buchanan J.M., Tullock G. The Calculus of Consent: Logical Foundations of Constitutional Democracy [Text]. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 1962. — 324 p.
7. Clarke K.A., Primo D.M. A Model Discipline: Political Science and the Logic of Representations [Text]. — Oxford: Oxford University Press, 2012. — 220 p.
8. Downs A. An Economic Theory of Democracy [Text]. — New York: Harper & Row, 1957. — 310 p.
9. Mershon C., Shvetsova O. Formal Modeling in Social Science [Text]. — Ann Arbor: University of Michigan Press, 2019. — 238 p.
10. Rubinstein A. Dilemmas of an Economic Theorist [Text] // *Econometrica*. — 2006. — Vol. 74, No. 4 — P. 865–883.